

А. А. Талицкая

Языковая репрезентация концепта «смерть» в произведениях Н. Заболоцкого 1929–1937 гг.

Настоящая статья посвящена изучению основных способов языковой репрезентации концепта «смерть» в лирике Н. Заболоцкого 1929–1937 гг. Исследование языкового воплощения концептов в художественном тексте является одним из наиболее актуальных вопросов современной лингвистики, так как позволяет адекватно реконструировать мироощущение автора.

Ключевые слова: концепт «смерть», концепция метаморфоз, лексико-тематические группы, антитеза жизни и смерти, базовые концепты, паронимическая аттракция.

А. А. Talitskaya

Language Representation of the Concept “Death” in N. Zabolotsky's Works in 1929–1937

The present article is devoted to studying the basic ways of language representation of the concept “death” in lyric poetry by N. Zabolotsky in 1929–1937. The research of a language embodiment of concepts in the art text is one of most urgent questions of modern Linguistics as it allows to reconstruct the author's perception of the world in an appropriate way.

Key words: concept “death”, the conception of metamorphoses, lexico-topical groups, antithesis of life and death, base concepts, paronymic attraction.

В концепте «смерть» актуализируется общественно-историческая практика людей, подытоживается опыт, накопленный человеком за многовековую историю существования. Смерть выступает как «многогранный культурный феномен, загадку которого пытаются разрешить на протяжении многих веков ученые различных областей человековедческих наук» [1, с. 141]. Смерть как некий предел, порог, за которым неизвестность, недоступная определению и пониманию, с древних времен привлекает и поэтов, и писателей, и художников, стремящихся дать свой ответ на вечные вопросы.

В творчестве Н. А. Заболоцкого концепт «смерть» является одним из ключевых и во многом определяет взгляд поэта на окружающий мир. В произведениях 1929–1937 гг. концепт «смерть» осмысливается поэтом преимущественно в рамках общей концепции метаморфоз, связанной с осознанием цикличности жизни, постоянных изменений, происходящих в природе, следовательно, и в человеке как ее высшем эволюционном звене.

Впервые идея метаморфоз, сулящих бессмертие всему живому, встречается в стихотворении «Искушение» (1929), включенном в сборник «Смешанные столбцы». Н. Заболоцкий создает персонифицированный образ смерти, наделяя ее человеческими чертами, которые выражены лексемами, принадлежащими тематическим груп-

пам «Органы человеческого тела» и «Действия человека»: *приходить, говорить, рука*. Смерть может испытывать человеческие чувства: *и хохочет, и грустит*. Значительную роль в создании образа играют речевые особенности смерти как одного из героев стихотворения, также свидетельствующие о персонификации этого образа. Смерть строит свою речь в зависимости от статуса, социальной роли конкретного собеседника. В речи, обращенной к мужику, она использует слова лексико-тематической группы «Сельское хозяйство»: *поле, рожь, плуг*; обращаясь к девочке, лежащей в могиле, она употребляет лексемы с разговорной стилистической окраской: *полно, врать, глотку драть*.

В этом стихотворении появляется идея преображения человека после смерти в другие формы материи, выраженная путем приведения в действие приема паронимической аттракции, который реализуется фонетически соотнесенными словами: *ушам – вышибла – швам – бедняжка – кишок – рубашка – порошок – жидкость – щи; тела – несмело – малют – была – стала – глина*. Момент перехода девицы из человеческого облика в новый земной облик обозначен частичным изменением звуко-буквенного состава корня слова: -дев- – -дер- и глаголом *воскреснуть*, который своим категориальным значением действия задает динамику происходящих перемен, а лексическим наполнением указывает на возмож-

ность обретения новой земной жизни после физической смерти.

В стихотворении «Прогулка» (1929) выражается понимание Н. Заболоцким закономерности вечного круговорота жизни, естественным моментом которого является смерть: *И смеется вся природа, Умирая каждый миг*. Идея незаконченности, незавершенности выражается употреблением деэпричастия несовершенного вида, обозначающего отсутствие внутреннего предела действия, и местоимения *каждый*, указывающего на возможность постоянного повторения момента смерти. Олицетворение *смеется вся природа*, создающее образ одухотворенной природы, выражает мысль о подобии природы человеку, о наличии в ней разумных начал. Эта мысль является смыслообразующей в натурфилософской концепции Н. Заболоцкого.

Развитие поэтической концепции бесконечного природного кругооборота, органичным звеном которого оказывается человек, приводит Н. Заболоцкого к мысли о всеобщей одухотворенности природы, наделенной, как и человек, разумным началом.

«Таинство» смерти воспринимается Н. Заболоцким как неотъемлемое звено жизненного процесса: *Чтоб кровь моя остынуть не успела, Я умирал не раз*. («Метаморфозы», 1937). Смерть выступает в этих строках как условие жизни, на что указывает использование сложноподчиненного предложения с придаточным цели: человек умирает, чтобы остаться живым. Кроме того, возникает мысль о нескончаемости жизненного круговорота, которая выражена лексически: *много* (*На самом деле то, что именуют мной, – Не я один. Нас много*), *меняться* (*Как мир меняется! И как я сам меняюсь!*), «не-лексема» *не раз* (*Я умирал не раз*).

В мировой поэтической традиции базовой антитезой, определяющей характер взаимоотношений человека и мира, является антитеза жизни и смерти, осмысляемая каждым художником в рамках собственного видения мира. В поэтике Н. Заболоцкого на первый план выходит взаимопереплетение и взаимопроникновение этих составляющих человеческого существования: *...Мир Во всей его живой архитектуре... Не умирающий ни в радости, ни в буре*. Лексемы *живой* и *не умирающий* выступают в роли контекстуальных синонимов и реализуют общее значение «обладающий жизнью». Вторая лексема оказывается семантически богаче, так как в ней актуализируется сема «не подверженный

смерти». Эта актуализация поддерживается двойным употреблением частицы *ни*, усиливающей отрицание смерти, так как мир всегда остается живым. Совместное употребление этих лексем усиливает эмоциональное воздействие образа природы как живой архитектуры и подтверждает поэтическую идею Заболоцкого о бесконечности природного и человеческого бытия.

Плоды усилий человеческого духа, результаты его духовной деятельности сохраняются не только в человеческом обществе, становятся не только фактами науки и культуры, они «материализуются» и в природе: *И голос Пушкина был над листвою слышен, // И птицы Хлебникова пели у воды, // И встретил камень я. Был камень неподвижен, // И проступал в нем лик Сквороды* («Вчера, о смерти размышляя...», 1936).

Н. Заболоцкий утверждает, что бытие человека, как и существование мира природы, бесконечно, так как он после смерти не рассыпается в прах, а перетекает в различные природные объекты, делая их более великими, одухотворенными и совершенными. Эти объекты поэт обозначает лексемами *голос*, *птицы*, *лик*, употребленными как семантически смещенные обозначения интеллекта, разума, сознания человека, которые после его смерти не уничтожаются, а вписываются в природные реалии. *Голос*, *птицы*, *лик* – это метонимическое обозначение духовной и творческой деятельности людей, которые своим творчеством или философскими размышлениями преобразовывали действительность.

Отметим, что слова *голос* и *птицы* являются стилистически нейтральными, так что экспрессивное воздействие этих образов осуществляется за счет развертывания поэтической строки. Слово *лик*, в свою очередь, относится к церковнославянизмам, принадлежит корпусу поэтических средств, поэтому оно само создает экспрессию. Обратим внимание, что лик Сквороды проступает на камне. Образ камня в данном стихотворении лишен традиционных поэтических коннотаций, это прозаическая деталь окружающего мира. Совмещение слов *лик* и *камень* в контексте стихотворения позволяет выразить дополнительную экспрессию, указать на текучесть, переменчивость всего живого, на возможность органичного совмещения высокого и низкого, живого и мертвого.

Звучание идеи бесконечных метаморфоз усиливается за счет использования приема анафоры, реализующегося путем повторения частицы-

союза *и*: *И голос... И птицы... И встретил... И проступал...*

Как отмечает Т. В. Игошева, «человек знает о смерти, природа же не подозревает о ней. Для человека смерть – трагедия, для природы – закономерное явление» [2, с. 74]. Следовательно, возможность воскресения человека в различных природных реалиях примиряет его с мыслями о неизбежности смерти, позволяет преодолеть трагичность своего существования.

Итак, человек уходит из жизни и оставляет себя в наследство природе. Эту мысль мы находим и в стихотворении «Прощание» (1934): *И мир исполнски прекрасный... был надежен и крепок, Как сердца погибшего слепок. Человек погиб, но мир не разрушится, не исчезнет, на что указывает употребляемый поэтом сравнительный оборот.*

Ощущение динамики метаморфоз бытия приводит к возникновению поэтической идеи «материального» личного бессмертия: *И я, живой, скитался над полями, // Входил без страха в лес, // И мысли мертвецов прозрачными столбами // Вокруг меня вставали до небес* («Вчера, о смерти размышляя...», 1936).

Словосочетание **прозрачными столбами** означает особое, предметное бытие, в которое человек переходит после смерти, продолжая в новой форме свое земное существование. Эта новая форма материи показана Н. Заболоцким введением творительного сравнения, позволяющего акцентировать жизненность и естественность новой формы бытия.

Лексема **мертвец** имеет сниженную стилистическую окраску, поэтому, по нашему мнению, ее употребление оказывается стилистически значимым средством. Сопоставление пары **мертвый-мертвец** показывает, что лексема **мертвец** обозначает не просто «такой, который умер, лишился жизни» [3, с. 255], а актуализирует признак предметности, связанный с семами «человек», «покойник». В прилагательном этот признак является одним из периферийных компонентов значения.

В процитированных строчках находит отражение представление Н. Заболоцкого о взаимной переплетенности жизни и смерти, создаваемое употреблением узуально противопоставленных лексем **живой** и **мертвец** (*мертвецов*). Поэт снимает традиционную противопоставленность жизни и смерти как базовых концептов бытия, что доказывается наличием предположительно-падежной словоформы **без страха**, лексическое

наполнение которой является свидетельством того, что человек освобождается от бытовой привычки бояться смерти, мертвецов, кладбища, так как мир оказывается живым во всех своих проявлениях.

Можно сделать вывод, что основной связи человека и природы в творчестве Н. Заболоцкого становится творящее, преображающее мир человеческое действие, которое надолго переживет «физический» век самого творца, поэтому трагическая гибель человека оказывается утверждением его бессмертия.

Преобразование природы человеком, ее улучшение – это активный путь изменения природы. Однако он часто сочетается со смертью самого творца-преобразователя. Воплощением этого «противоречия» становится стихотворение «Седов» (1937), в котором новым способом существования человека после его смерти оказывается память людей. Этот новый способ бытия Н. Заболоцкий обозначает двумя риторическими восклицаниями: *Но люди мужества, друзья, не умирают! Друзья мои, на торжестве народном // Помянем тех, кто пал в краю холодном!*

Как и в стихотворении «Прощание», Н. Заболоцкий актуализирует важную в его лирике мысль о человеке-«поборнике» природы, ее мудром преобразователе. Обращение **друзья** способствует возникновению интонации личного переживания, разговора с живым, близким человеком. Такая теплая, душевная интонация диалога вновь появится в стихотворении «Завещание» (1947) и будет определять настроение всего стихотворения.

Природа в «Седове» характеризуется перифразом *страна безмолвия* – страна *векового мертвого молчанья*. Молчанье – это знак немoty, бездействия, в конечном итоге, смерти. Однако в мировосприятии Н. Заболоцкого оно обретает особый смысл. *Мертвое молчанье* – это знак немoty природы, еще не разбуженной одухотворяющим воздействием человека. На наш взгляд, лексема **молчанье** реализует в контексте стихотворения одно из своих переносных значений: «не проявляться, не давать о себе знать» [3, с. 294]. Природа не может адекватно выразить свои порывы, переживания, поэтому ее удел – молчание. Эпитет **мертвое** обретает значение «лишенное жизни, неодухотворенное, не способное без влияния человека “преодолеть” свой удел». Это значение поддерживается фразой: *мертвое молчанье Нарушить мог один лишь человек*. Глагол **нарушить** своим категориальным

значением задает активную, преобразующую позицию человека, а в лексическом значении содержит сему изменения старого порядка, старой структуры и т. п. Значимость роли человека усиливается за счет нагнетания признака избранности: лексема *один* имеет значение выделительно-ограничительной частицы *только* и соединяется с выделительно-ограничительной частицей *лишь*.

Однако состояние полярника Седова, вступившего на путь покорения сурового края, практически не отличается от состояния природы. Оно характеризуется глаголом несовершенного вида *умирать* (подчеркивается длительность состояния и невозможность его преодолеть), метафорическим эпитетом *ледяные ноги* и союзным сравнением *ноги, как бревна*. Человек, воздействуя на природу, уподобляется ей – на это указывает неоднократное употребление эпитета *ледяной* в описании природы: *Корабль, затертый в ледяной могиле, полюс великан, увенчанный тiarой ледяною*. Появление лексемы *могила* при создании образа природы получает особый смысл: она указывает не на смерть природы, а на ее состояние, подобное смерти, так как еще не пришел человек, способный пробудить ее, вывести из мрака безмолвия.

Создавая образ Седова, Н. Заболоцкий акцентирует внимание на противопоставлении души и тела: *Но странно! В этом полумертвом теле // Еще жила великая душа...*, создаваемом за счет употребления соответствующих антонимичных лексем, частицы *еще*, показывающей величие, непокоренность человека, его нежелание сдаваться даже на краю жизни и смерти, лексемы *странно*, свидетельствующей о противоречивости, парадоксальности описываемой ситуации. Высокие смыслы образа Седова: «бесстрашие», «мужество» создаются с помощью лексического наполнения деепричастных оборотов *превозможая боль, едва дыша, к лицу приблизив компас еле-еле*. Важным средством описания становится

использование средств выражения оценочных субъективно-модальных смыслов (интонация и частицы): *Какие люди побывали тут!* Употребление формы множественного числа вместо единственного – знак обобщенности образа человека-преобразователя, исследователя природы.

Итак, метаморфозы природы и человека осуществляются в произведениях Н. Заболоцкого двумя путями: пассивным и активным. После смерти человек становится частью природы, преобразуя ее, делая более совершенной (пассивный путь). В течение жизни он воздействует на природу, пытаясь понять ее язык, законы, еще ему неизвестные. Однако логическим итогом такой преобразовательной деятельности часто становится смерть, позволяющая человеку обрести новое бытие, следовательно, и новый смысл существования (активный путь).

Таким образом, в рамках всеобщей концепции метаморфоз смерть осмысливается Н. Заболоцким как естественный этап жизни, приводящий к обретению человеком и природой новых форм материи, более одухотворенных и совершенных. Эти формы обозначены с помощью различных средств: творительного сравнения, сравнительных оборотов, метонимических обозначений, приема паронимической аттракции, риторических восклицаний. Взаимообусловленность жизни и смерти передается контекстуальными синонимами *живой* и *не умирающий*, соединением узуально противопоставленных лексем *живой* и *мертвец*.

Библиографический список

1. Деева, Н. В. Модусы бытия человека: жизнь (попытка интерпретации концепта) [Текст] / Н. В. Деева // Концепт. Образ. Понятие. Символ : коллективная монография. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. – С. 141–157.
2. Игошева, Т. В. Проблема творческой эволюции Н. А. Заболоцкого [Текст] / Т. В. Игошева. – Новгород, 1999. – 118 с.
3. Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. – Т. 2. – М., 1982. – 736 с.